

Азат Рахманов

**ДО СВИДАНИЯ,
ШАН-КУЛИ!**

Азат Рахманов

До свиданья, Шан-Кули!

«Издательские решения»

Рахманов А.

До свиданья, Шан-Кули! / А. Рахманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507936-7

С повести «До свиданья, Шан-Кули!» начинается серия произведений о малоизвестном российскому читателю народе элосы — русско-китайских метисах, проживающих в Китае и Австралии. Перед вами первое русскоязычное художественное произведение, когда-либо написанное об этом народе. Реальная история семьи, рассказанная мальчиком-метисом Юркой, разворачивается в пограничной с Советским Союзом деревне Шан-Кули на фоне вынужденного массового отъезда русских поселенцев и последующей «культурной революции».

ISBN 978-5-00-507936-7

© Рахманов А.
© Издательские решения

Содержание

До свиданья, Шан-Кули!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

До свиданья, Шан-Кули!

Азат Рахманов

Редактор Екатерина Долгова

Корректор Ксения Ложкина

Иллюстрация на обложке Марина Шатуленко

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Азат Рахманов, 2019

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7936-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

До свиданья, Шан-Кули!

Утром позвонил племянник: «Дядя, мама умерла».

Сестра... моя милая, добрая и любимая старшая сестра. Самые светлые и счастливые дни моего детства прошли рядом с тобой. Сам не понимая того, наверное, я любил тебя больше всех на свете. Тогда, давным-давно, я даже и не думал о том, что когда-то мы расстанемся: ты, я, мама и папа, бабушка и наши Шан-Кули. Не мог я тогда, в самые светлые дни моего детства, представить, что судьба распорядится иначе, что мы окажемся далеко друг от друга и я стану тем человеком, который, возможно, разбил твоё счастье...

Я повесил трубку и долго сидел, смотрел на жизнь, кипящую во дворе нашего дома. Машины приезжали и уезжали. Мамы с колясками и дети, играющие на детской площадке, сновали по двору. Старушки, вечно сидящие чуть поодаль от детского шума, судачили о чём-то своём. Вот уже много лет я наблюдаю одну и ту же картину из окна своей кухни: сегодня всё как и прежде... Хотя нет, прежним остался мир вокруг меня, но я стал другим. Раньше, до звонка племянника, нас было двое: я и Лиза, моя сестра. Теперь я остался один. Я и мои воспоминания.

Хорошо, что именно сейчас жены нет дома, я могу побыть наедине со своими мыслями. Не нужно говорить, не нужно рассказывать, не нужно слушать слова сочувствия моему горю. Да и горе ли это? Смерть старшей сестры в моём возрасте уже вряд ли может быть горем, это неизбежный факт. Она умерла в кругу детей и внуков, за чьи судьбы, я думаю, она была спокойна. Я достал из старенького фотоальбома чёрно-белую, пожелтевшую и потрескавшуюся от времени фотокарточку. Вот уже почти шестьдесят лет она всегда со мной, и её мало кто видел, даже жене и детям я никогда не показывал этот снимок. Раньше, когда, бывало, мы листали альбом, я просто молча переворачивал страницу с этой карточкой. Теперь дети выросли, у них другие заботы. А внукам... Внукам старые фотографии неинтересны.

С фотокарточки на меня смотрит молодой китайский парень, в белой рубашке, с зачёсанными наверх густыми чёрными волосами. Рядом с ним стоит молодая красивая девушка в ситцевом платье в горошек. Мальчишка посередине, с коньками на шее, – это я. Мне десять лет. Позади нас – деревянный забор нашего дома...

***

Наша деревня Шан-Кули стояла, да и сейчас стоит, на китайской стороне советско-китайской, а теперь уже российско-китайской границы. Большинство жителей Шан-Кулей были такими же, как и наша семья: русская мать и китайский отец. В те годы в округе было много деревень, где жили русские эмигранты. Нас они называли полукровками или полукровцами. Мы же себя называли мекисами. Так, мы считали, было куда красивее: не все могли правильно произнести не совсем нам понятное слово «метис». Метис – мекис, всё лучше, чем полукровка. Так мы и жили между русских и китайцев: оба народа нам были родными, мы хорошо разговаривали на двух языках и понимали и тех, и других. Правда, в отличие от русских, уезжать мы никуда не собирались: считали китайскую землю своей родиной и по-своему любили СССР. Союз для нас был лучшим местом на земле.

Кроме Шан-Кулей, я нигде не был. Леса и горы, поля и маленькая речка Шан-Кули, пробегающая по селу. Полноводный Ган, несущий свои часто мутные от дождей воды куда-то вдаль, где я ещё не был, – всё это было моим, родным. Другого, как, наверное, и большинство

моих земляков, я и не знал. Конечно, я знал, что есть Пекин и Москва, что города эти большие и красивые. Но и Пекин, и Москва были далеки от нас, я понимал, что вряд ли туда когда-нибудь поеду, вот поэтому я жил тем, что было вокруг, не думая о других местах. Правда, ещё был Харбин, в котором, как говорили те, кто там бывал, тоже очень хорошо, как в Москве. Но возможности проверить это у меня не было, поэтому и о Харбине я тоже никогда не думал. А потом, когда мне уже было больше десяти лет, я услышал два новых слова: целина и Австралия... Именно то время, когда в нашу жизнь ворвались эти два слова, и осталось в памяти моей самым светлым и самым горьким воспоминанием.

В тот вечер в нашем доме появился бригадир четвёртой бригады мучана¹, недавно переселившийся в наши края шаньдунец по фамилии Ван. Мы как раз ужинали, когда бригадир Ван открыл дверь нашего дома. Я давно уже заметил, что шаньдунцы, появившиеся у нас в деревне несколько лет назад, входили в дом без стука. Мы же, метисы и русские, перед входом в чужой дом всегда стучали в дверь.

– А, ужинаете, побеспокоил я вас, – сказал Ван, увидев, что мы сидим за столом, и, смутившись, добавил: – Я по делу, иначе бы не побеспокоил.

– А, бригадир Ван, – встав и приглашая гостя за стол, заговорил отец. – Садитесь, поужинайте с нами.

– Да нет-нет, я уже поужинал, я по делу, – отвечал Ван, отказываясь.

– Садись-садись, зачем не садись? Вместе куша давай, – сказала мать, как всегда, на неправильном и малопонятном китайском. Она, как и большинство русских, живущих в нашей деревне, плохо говорила по-китайски. Мы уже привыкли к неправильному выговору местных русских, а вот шаньдунцы, не так давно появившиеся у нас, плохо понимали китайскую речь из уст русских: кто-то, как бригадир Ван, смущался, почти не понимая говорившего, кто-то просто смеялся над тем, как лаомаоцзы² неправильно произносили китайские слова. При нас, конечно же, никто так не осмеливался нас называть, но за глаза русских и метисов китайцы так и называли: лаомаоцзы и эрмаоцзы.

– А? А-а... – заакал шаньдунец на приглашение моей матери. – Я, саоцзы³, говорю, по делу пришёл. Вы уж не беспокойтесь.

Но отец всё-таки усадил бригадира на лавку, и они ещё пару минут обменивались ничего не значащими любезностями. Затягиваясь сигаркой, завернутой для него отцом, Ван, как бы невзначай, сказал:

– Вот что, старина Ли, из уезда, то есть это, из аймака⁴, как тут у вас говорят, всё никак не могу привыкнуть, позвонили. Руководство постановило избрать наше село... э-э-э... – было обратился к отцу шаньдунец, но, забыв, что постановило руководство, полез в карман старого форменного френча. – Это, да... постановило избрать наше село «экспериментальной базой для производственной практики студентов-русистов», да, для практики русистов, – передохнув, повторил Ван.

– Эксперимент... это чего ж, анализы брать будут или как? – спросил, удивившись, отец.

– Папа, – прервала бестолковый разговор двух малограмотных людей моя сестра, – это значит, что к нам в село приедут студенты, которые изучают русский язык, – и, повернувшись к матери, добавила по-русски: – К нам китайские студенты приедут, русский язык тут учить будут.

¹ Мучан – государственный животноводческий совхоз, аналог советского колхоза. – *Кит.*

² Лаомаоцзы – оскорбительное прозвище русских в Северо-Восточном Китае. Эрмаоцзы – русско-китайский метис, оскорбительно.

³ Саоцзы – жена старшего брата, уважительное обращение к жене старшего по возрасту.

⁴ Уезд – основная административная единица уездного уровня провинций Китая. Кроме провинций, в КНР существует пять автономных районов. Автономный район Внутренняя Монголия подразделяется на аймаки.

– А чего тут учить-то? – удивилась мать. – Грамотных тут никого уже и не осталось, разве что Гришка Хромов, так он же баламут. Не знаю, как ему ещё школу-то доверили.

– Чего это твоя матушка сказала? – опять смутился Ван. – Я это, не понимаю по-вашему-то. Ты переведи ей, что главный ихний, учёный, он у вас поселится. Его Юй Пин зовут.

Мать хоть и плохо говорила по-китайски, но многое понимала: «Кто моя дома жить? Не надо никто жить. Места нету!»

– Саоцзы, не волнуйся, – начал успокаивать её Ван. – Это постановление руководства. – Ему никак не давались основные слова этого самого постановления руководства, и он опять полез в карман засаленных зелёных солдатских брюк. – Э-э-э... решено создать «экспериментальную базу для практики студентов-русистов». Это значит, что у нас тут с вами много людей на иностранном русском языке разговаривают. Вот городские студенты тут и будут учить русский язык.

– А от нас-то чего надо? Переведи ему, Лизка! – махнула рукой мать, и сестра быстро перевела вопрос бригадиру.

– Вы это... передовая семья, у вас выработка хорошая, и вот старина Ли участвовал в антияпонской борьбе. И в прошлом году у вас выработка хорошая была, и дочка советскую школу, четыре класса, закончила. Поэтому мы и предложили руководству поселить учителя Юй Пина к вам в семью, а остальных студентов по другим семьям. Всего одиннадцать человек.

– Кто это мы? – грозно нахмутив брови, рыкнула мать.

– Мы, мы – это я и... я. Да, я, – сжавшись, боясь гнева нашей матери, смутился бригадир.

Слушая шаньдунца, мать было хотела бросить на стол ложку, которую она для этого лишь и подняла, но отец перехватил её руку:

– погоди. Это решение руководства. Мы должны поддержать.

– Да. Вы уж поддержите. Студенты приезжают завтра, – заключил бригадир Ван, поспешно вставая и направляясь к выходу. – Как студенты приедут, так я к вам и приведу главного. Старина Ли, вы уж поспособствуйте, пусть саоцзы так не переживает. Да, забыл, совсем забыл: правление вам добавит карточек на зерновые, не беспокойтесь.

– Ну и дураки же эти шаньдунцы! Так сразу бы и сказал, что карточек прибавят. Мать ваша и не волновалась бы так сильно, – заключил отец, когда за бригадиром закрылась дверь.

***

На следующий день, уже под вечер, бригадир, как всегда без особых церемоний, вошёл во двор нашего дома. Я как раз сидел во дворе, мне хотелось убежать, но мать приказала сидеть дома и ждать возвращения с работы сестры и отца. Сама она ушла на речку полоскать бельё.

– Заходи, заходи, учитель Юй. Не стесняйся. Мы тут люди все простые, не городской народ, не любим лишних церемоний. Эй, малый, зови мать. Я учителя из города привёл.

– Она на речку спустилась полоскать стиранки... чего её звать-то? Скоро сама придёт, – неохотно ответил я.

– Ты это, ну-ка встань-ка, разве так нужно приветствовать гостей? – грозно посмотрев на меня, попытался сделать строгий голос Ван. Я его совсем не боялся и не торопясь неохотно встал с завалинки.

– Учитель Юй, этот малый очень бойко по-русски говорит, вы уж поверьте. Можете прямо сейчас и начинать свою практику. Ну-ка, скажи, как вы там др-др-др-др-дэ... Очень сложный язык у советских, – с умным видом добавил бригадир.

Гость, улыбнувшись, шагнул в мою сторону и, явно стараясь правильно выговаривать слова, заговорил со мною по-русски:

– Здравствуй, меня зовут Костя, по-китайски Юй Пин. Рад с тобой познакомиться. Как тебя зовут?

Он ещё раз улыбнулся, снял с плеча сложенные в квадрат и перевязанные бечёвкой одеяло и матрац с эмалированным тазиком для умывания, личные походные принадлежности и протянул мне руку.

– Юрка, – ответил я, с неуверенностью протягивая китайцу руку. Ещё никто не протягивал мне руки для рукопожатия, и поэтому мне казалось, что в самый последний момент китаец всё-таки отдернет руку и они с Ваном начнут смеяться над моей наивностью.

Он мне понравился. У него была добрая улыбка. Как и все городские, которых мне иногда доводилось видеть, он был аккуратно пострижен. Белая рубашка и зелёные армейские брюки ладно сидели на нём, добротные чёрные туфли, а не кеды довершали его городской наряд.

– Эй, учитель Юй, я смотрю, вы по-советски очень хорошо разговариваете. Недаром вам доверили столько студентов привезти на эту... как её... полевую практику. Вы уже не хуже самого главного профессора в Пекине, я думаю!

– Что вы, бригадир Ван, век живи – век учись. Я стараюсь, но прекрасно понимаю, что ещё необходимо много работать. Русский язык богат своим словарным запасом и сложен грамматически. Всё сразу не охватить.

– Ну это да, они богаты. Вон в прошлом году ракету запустили. Но и мы, скажу я вам, учитель Юй, не лыком шиты! – довольный тем, что удалось показать свою грамотность перед городским учителем, он хихикнул. За моей спиной послышались усталые шаги моей матери.

– А вот и саоцзы возвращается, – залебезил он перед подходящей к нам матерью с тяжёлой ношей выстиранного белья. – Устали, саоцзы. Весь день по хозяйству, весь день. Домашних забот так же, как и в коммунном поле, всегда непочатый край. А это учитель Юй, сестрица, из города. Я вам с братцем о нём вчера говорил. Он будет у вас жить. Вы с ним по-вашему разговаривайте. Ему это и надо, – и, обратившись к Юю, он добавил: – Саоцзы по-китайски не очень хорошо объясняется, но, думаю, вам это как раз и нужно.

Парень слегка поклонился моей матери и опять заговорил по-русски:

– Здравствуйте, меня зовут Костя, это по-русски, а по-китайски Юй Пин. Спасибо, что вы согласились меня принять в вашей семье.

– Ну, я и не соглашалась, это вот он вас привёл, ну, да уж ладно. Пойдём, покажу, где спать будешь. Юрка, чего стоишь? Помоги ему пожитки занести.

– А как имя твоей матери? *Ни мама цзяо шэньмэ минцзы?* – тихо спросил Костя, когда мы шли вслед за матерью в дом. Мне приходилось напрягаться и прислушиваться к тому, как Костя произносил слова: он, как я сейчас понимаю, старался правильно выговаривать каждое русское слово и не допускать ошибок в построении предложений.

– *Во ма я?* Мамку-то? – Я на секунду остановился и задумался. Я никогда не слышал, чтобы в нашем доме кто-то называл мать по имени, она всегда была мамой. – А-а-а... Катерина. Ага, Катерина.

– Можно, я вас буду называть тётя Катя? – спросил Костя, когда мы зашли в дом.

– Зови, чего уж, – смутившись и как-то сразу подобрев, осмотрев его с ног до головы, сказала мама и, оправившись от смущения, серьёзно добавила: – Во, Юрка, видишь, как городской да грамотный человек разговаривает? Ты, оболтус, у него учись. А то будешь... – махнув в сторону шаньдунца, – как этот, бригадир.

– Ну да, ну да, – поспешил согласиться ничего не понимающий Ван. Он был рад, что так легко смог устроить учителя, о приезде которого звонили из укома партии!

– Юрка, ты спроси-ка у него, где ляnpjяо, которые он вчера посулил, – повернулась к бригадиру мать, и сама же строго спросила его: – *Ляnpjяо цзай наэр?*⁵ Чем человека-то кормить будем?

---

⁵ Ляnpjяо цзай наэр? – Где карточки (на зерновые и муку)?

– А, *ляняю, ляняю*, – заулыбался Ван, доставая талоны на зерно и масло. – Конечно же, я принёс. Сейчас вот по другим домам пойду. Всем всё и раздам. Аж десять студентов с собой привёз уважаемый учитель. Всех устрою, всем создам условия для прохождения обучения.

Уже темнело, когда с поля вернулся отец, а вслед за ним и Лиза, моя сестра. Так как коммуна выдала нам карточки на питание постояльца, мать пригласила Костю питаться вместе с нами за одним столом, чему он, конечно же, очень обрадовался.

– Столоваться, если хошь, с нами будешь. А то сам кашеварь как угодно, не принуждаем, – нахмурил для важности брови, сказала мать.

– А? Что вместе? Извините, я не понял.

– Юрка, переведи ему. Вот напасть-то!

– А «вот напасть-то» тоже переводить или чё? – спросил я, быстро переведя Косте сказанное матерью.

– А ну быстро беги луку сорви... совсем уж сдурел, все мозги проиграл! – хлестнула меня мать посудным полотенцем, попавшимся ей под руку.

На ужин была жареная картошка, хлеб, лук и два больших солёных огурца. Особенно рад постояльцу был отец. «Мать, достань там ляна два гаоляновой, отметим приезд уважаемого учителя Юя. А завтра купим-ка свининки в кооперативе и ещё раз отметим», – потирал он руки, садясь за стол и ставя лампу посреди стола. Мать что-то для виду ворчала, раскладывая хлеб и стаканы для чая по столу, но всем было понятно, что Костя пришёлся по душе, гостю были рады. Даже Лиза – и та почему-то переделалась в выходное платье и молча сидела за столом.

После ужина я повёл нашего постояльца в школу, в которой летом всегда собиралась молодёжь и куда должны были прийти все десять студентов-практикантов. Клубом заведовал, вернее, ключи от дверей школы всегда держал при себе школьный учитель Гришка Хромов, ещё преподававший в четырёх классах русской школы. Мой отец почему-то решил, что с отъездом советских и русских эмигрантов в русской школе отпала надобность, и последний год я уже ходил в китайский класс. Григорий Фёдорович для меня сразу стал Гришкой, как его все в деревне звали. Вернее, я больше не называл его Григорием Фёдоровичем, но так и не смог назвать его Гришкой. Я его уважал. Гришка был не только моим бывшим учителем, чьи уроки русского, географии и истории мне очень нравились, он был нашим деревенским затейником. Он всегда был весел, хорошо писал и читал по-русски. А так как он окончил советскую шестилетку, его и поставили учителем за неимением других. Гришка гордился своим назначением и окладом в 85 юаней в месяц, огромные деньги по тем временам. Он хорошо пел и играл на гармонии. До отъезда русских из деревни он был самым главным деревенским гармонистом, и каждый считал за честь угостить Григория у себя дома. Свадьба ли, рождение ли ребёнка – школьный учитель Хромов был желанным гостем. С отъездом русских клуб по вечерам больше не открывали, теперь здесь в основном проводились коммунные собрания. И лишь иногда, летом и по праздникам, проводили танцы для оставшейся молодёжи из смешанных семей да тех немногих русских, как семья Хромовых, которые то ли ещё не определились, куда уезжать, то ли уже ждали виз в Австралию и поэтому ещё жили в деревне. Без русских популярность Гришки немного сошла на нет, но, несмотря на молодость, он всё равно оставался одним из уважаемых жителей деревни: многие дома стояли пустыми, и по его инициативе молодёжь чаще начала собираться на танцы в пустующих домах, чем в здании школы. Гришка всем говорил, что он «жалеет выехать на целину», но отец его, дряхлый и вредный старик-старовер в казацких штанах с жёлтыми лампасами, советской армейской гимнастёрке, казацкой же фуражке с жёлтым околышем⁶ и с длинной седой бородой-лопатой ни за что не хотел возвращаться

---

⁶ Жёлтый – цвет Забайкальского казачьего войска.

туда, откуда бежал в 1920-х вместе с атаманом Бакшеевым. Попросту говоря, отец Гришки был бывшим белогвардейцем и поэтому не хотел и боялся возвращаться в СССР.

Когда мы зашли в клуб, все студенты уже были в сборе и, стоя полукругом вокруг сидящего посреди зала Гришки с гармонью на коленях, слушали его болтовню.

– Так вот, ребята, в вашем деле песня очень нужна. С нею вы весело и интересно будете изучать язык Пушкина и Гоголя. Слышали про таких? Они, конечно, песен не пели, я думаю, но по-русски здоровски изъяснялись. И так... не забываем про р-р-р-р-р-р-р-р-р-р... – было видно, что Гришка доволен возможностью покомандовать и посмеяться над только что приехавшими студентами. – Хором за мной запе-е-е-вай! – И он запел, с силой разрывая меха гармони:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!

И студенты, которым уже нравился русский гармонист, дружно подхватили:

Алитилилисыты, Сыдалинь далэй пыликацзы!..

Гришка допел куплет и лишь тогда сделал вид, как будто только сейчас заметил наше присутствие. Он улыбнулся, встал, аккуратно поставил гармонь, нарочито вытер как бы грязные руки о широкие штанины своих щёгольских брюк, заправленных в до блеска начищенные хромовые сапоги, и, хитро улыбаясь, пошёл в нашу сторону. Вдруг он дёрнул плечами, наклонился, не разгибаясь повертел задом и, широко расставив руки, запел низким наглым голосом:

Здравствуй, милая моя.
Я тебе дождалси.
Ты пришла.
Мине нашла.
Я и растерялси...

«Ха-ха-ха!» – засмеялся я, а вслед за мной и все студенты. Я сразу узнал эту песню. Так пели трактористы из фильма, который крутили в клубе года два назад. «Молодец, Гришка! Во даёт!» – пронеслось у меня в голове.

– Фильм «Трактористы», тысяча девятьсот тридцать девятый год. Знаю. Спасибо. Нам понравилось, – сказал серьёзно Костя и протянул руку Гришке. – Юй Пин, преподаватель факультета русского языка. Мы приехали к вам на практику.

Гришка сразу выпрямился и так же серьёзно отрекомендовался:

– Хромов Григорий Фёдорович. Учитель местной русской школы. Прошу любить и жаловать, – и, секунду помедлив, добавил по-китайски: – *Цин до до гуаньчжао*⁷.

– Вы хорошо говорите по-китайски, – не моргнув, серьёзно ответил Костя.

– *Хусян сюеси, хусян сюеси*⁸, – с той же серьёзностью, наигранно, слегка поклонившись, парировал Гришка. – Ваш китайский меня тоже шибко удивил.

Мне нравился Костя, но Гришка был в сто раз смешнее и веселее. Я с восхищением смотрел на них и думал, что я тоже скоро вырасту и буду таким же умным, как Костя, и весёлым, как Гришка.

---

⁷ Цин до до гуаньчжао – прошу любить и жаловать.

⁸ Хусян сюеси, хусян сюеси – будем учиться друг у друга.

– Молодец, – примирительно сказал Гришка, похлопывая Костю по плечу. – Даже знаешь кино «Трактористы». Ставлю пять!

– Вы тоже ничего, – не остался в долгу Костя. – Знаете китайские традиции. Не менее похвально.

– Наш учитель тоже хорошо играет на... – вступила в разговор одна из студенток и, указывая на гармошку, смущённо добавила: – Играет на... этом! Сыграйте, учитель Юй!

– Сяо Ван меня перехвалила, – улыбнувшись, поправил на китайском студентку Костя. – Григорий мастерски играет на гармошке, я же лишь немного играю на аккордеоне. Техника игры разная, на гармошке я не могу.

Гришка понял разговор и, обрадовавшись, добавил по-русски:

– Аккордеон у нас есть! Здесь же, в клубе. Я сейчас! – и, повернувшись ко мне, с напускной серьёзностью бросил: – Шуряк, слетай-ка за аккордеоном! В чулане, там, у стены, стоит.

– А что такое «шуряк»? – спросил кто-то из студентов.

– *Сяоцзюцзы!*⁹ – захохотал Гришка.

Когда мы возвращались из клуба домой, Костя вдруг спросил:

– А почему Григорий тебя называет сяоцзюцзы? Как это по-русски?

– Шуряк! Так он на нашей Лизке ещё не женился, но говорит, что это дело времени, скоро породнимся! – с гордостью ответил я. Я любил, когда Гришка называл меня шуряком, и мне было приятно оттого, что теперь и Костя знает, что скоро я буду родственником такого бравого парня, как Гришка Хромов.

– Вот как... – только и сказал Костя.

***

До приезда студентов я вместе с соседскими ребятами каждый день бегал по деревне. Мы купались в речке, уходили в близлежащий лес, собирали и тут же съедали то землянику, то голубику с дикой смородиной и лишь под вечер, грязные и голодные, возвращались домой. С появлением у нас студентов и Кости жизнь в нашей деревне стала более весёлой. Студенты не просто жили в семьях метисов и изучали русский язык. Костя, посоветовавшись со студентами, обратился к бригадиру Вану и предложил посильную помощь в работе производственной бригады. Ван с радостью согласился, и теперь каждое утро студенты выходили вместе с бригадой в поле. Мне было интересно с ними, с городскими ребятами. Нравилось, что они серьёзно относились ко мне и часто спрашивали, как то или это называется по-русски. Я почти забросил игру с соседскими ребятами и большую часть времени был со студентами, а постепенно и вообще позабыл игры с друзьями. Вечера я проводил с Костей и студентами, сидел на его вечерних уроках, как мог, помогал ему, а по утрам вместе со всеми спешил в поле. Мой отец работал на тракторе, который оставлял с вечера у ворот нашего дома. Мы втроём, Костя, Лиза и я, позавтракав на скорую руку тем, что готовила мать, выходили за ограду и смотрели, как наш отец, выкурив утреннюю самокрутку, неторопливо открывал кран бензобака, включал «массу», зажигание, подкачивал бензин в карбюратор и так же спокойно, несколькими рывками, чтобы сначала разогреть двигатель, заводил свой ДТ-20. Ещё немного мы ждали, когда подтянутся другие студенты и наша молодёжь-метисы. А собравшись у нашего дома и дружно запрыгнув в кузов телеги, с песнями выезжали в поле. Я любил слушать их песни, сидя в телеге. Они пели и на русском, и на китайском. Советские песни переплетались с русскими частушками, которых не знали студенты, но с интересом слушали и, даже не понимая значения, вместе со всеми смеялись над пропетым. Затем пели китайские песни. У Кости хорошо получа-

---

⁹ Сяоцзюцзы – шурин, младший брат жены.

лось петь китайские синь минь гэ, новые народные песни. Особенно хорошо у него получалась мужская часть из «У бабочкина родника»¹⁰

---

¹⁰ Популярная песня на китайском языке «Худе цюань бянь» в исполнении Чжао Лючжу, вошедшая в первую пластинку КНР, сборник популярных песен с 1950 по 1959 год. Новыми народными песнями на пластинке назывались песни с любовной лирикой. Остальные песни были посвящены революционной тематике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.